

Нынешнему молодому поколению нелегко представить, что совсем недавно, в 40-е годы, Есенин был запрещенным поэтом. За чтение его стихов можно было получить 58-ю статью. Помню, еще совсем маленькой я впервые услышала его стихи от своего дядя. Своим теплым голосом он читал:

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,

На сердце дени вчерашний,

А в сердце светит Русь...

И испуганный мамин возглас: «Ты с ума сошел! Ребенку! Ведь могут услышать». А иногда дядя брал гитару и, перебирая струны, напевал:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яйлонь дым.

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым.

Сохранилось и другое детское воспоминание: Ваганьково. После посещения родных могил мамы или бабушки обязательно заходили к Есенину. Детское воображение будоражило рассказы о молодой женщине, застrelившейся на могиле поэта. Чудилось роковое, таинственное...

Но с годами Есенин как-то забылся. В жизнь ворвался мятежный Лермонтов, изысканный Блок... Потом ураган налетела Цветаева... И все же Есенин вернулся и остался в душе навсегда. Не по торжественным дням вспоминаются его стихи:

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилица.

Люблю, когда на деревах

Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,

Как свечи, теплится пред тайной,

И расцветают звезды слов

На их листе первоначальной.

Околовородной Россией, пронзенный ее «веселой токой», Есенин стал необходимой сутью существования,

С. Есенин. 1915 г.

— Вы вообще кривляетесь.
Потом Мережковский писал: «Альфонс, пьяница, большевик!».

А я ему отвечал: «Дурак, бездарность!»
Словом, поговорили... Они к нему были снис-

Рисунок Ю. Анненкова. 1923 г.

мне наиболее близок Юрий Мамлеев, утверждающий, что «оcean есенинского поэзии, образной, звуковой, интонационной, непосредственно вступает в контакт с наиболее глубинными, первозданными, вековыми уровнями русской души» — и именно в этом тайна ее сокрушающего бесконечного воздействия. В этом секрет того, что Есенина любили и «белые», и «красные», и юные, и старики. Видимо, в этом секрет того, что мне, горожанке (а вместе со мной и другим), практически не знающей деревни, понятны эти символы и интонации есенинской поэзии, воздействующие на душу и на подсознание, погружающие в деревенскую жизнь, делая ее близкой, понятной, родной. И вслед за поэтом хочется повторять:

— Люблю, знаете, крайности. Либо лапти, либо цилиндр и пальмерстон... — Он лихо нахлобучил цилиндр на свои кудри. — Помните, я когда-то у Городецкого, в плисовых штанах, подложенными золотым ремешком, выступал? Не забыли? Помните? Умора! На что я тогда похож был! Ряженый...

Да, конечно, ряженый. Только сейчас — в Европе, в этом пальто, которое он почему-то зовет пальмерстоном, и цилиндром, у него вид ряженого. Помечтав, Есенин говорит:

— А признайтесь, — противен я вам, петербуржцам. И вам, и Гумилеву, и этой осе Ахматовой».

Спустя годы болело у него сердце. И он пытался заглушить эту боль. Но в то же время эта боль позволяла ему писать прекрасные стихи. Он стал знаменитым поэтом.

И все же, сколько? Венчаных и невенчаных. Не знаю. Впрочем, любопытствующим отвечает сам Сергей Александрович:

— Женщин триста-то у меня, поди, было?

Смеялся:

— Ну, уж и триста!

Смущался.

— Ну, тридцать.

— И тридцати не было!

— Ну... десять?

На этом и помирились.

— Десять, пожалуй, было.

Смеялся вместе с нами».

(Э. Я. Герман. Из книги о Есенине).

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8

9

8